

ЩЕДРОЮ ПРОСНУЛАСЬ МАТУШКА-ПРИРОДА

Уж и не мечталось, что в середине октября день осенний почти волшебным будет. Чтоб в такую пору, да с утра, едва над горизонтом солнце, приподнявшись, осмотрится, термометры нам радостно покажут +18 градусов, а небо принарядится без промедления по-над деревней и полями в голубое с облаками белыми в полоску и не запланирует настроение на хмурое менять. Заиграло всё окрест; такое осенью на полпути её к зиме почти что редкость, когда ранние снега уж посещали нас, и морозы били, воду превращая в лёд, а листва вослед почти охалками слетала с тополей с берёзами, их до бесстыдства оголяя.

Почудилось, будто кто зовёт меня в велопробежку за деревню – туда, где рисует полукруг Ануй лениво: река немноговодная почти в любое время года. Вода в нём столь чиста, что без изъянов небо отражает, и катит тихо вол-

ны голубые дальше, полные восторга. Лишь изредка на перекате плещутся они, звук чистый донося до берега высокого, где я стою, картиною любуюсь. Чистый запесок пологим краем воды касается; и нет на нём следов присутствия людей, что очень кстати. А вглубь от края и до края полуостровка деревья вольно разметались и кустарники, и вид их не тёмно-грязный, какими увидим их мы в пору близких дождей сердитых и долгих холодов, а радостный для глаза и души. Когда б со мной поэт был рядом, сказал бы я ему, мол, друг ты мой, превосходное стихотворенье сегодня ж напиши – как Пушкин, некогда любивший очень золотую осень. Наша сейчас ярче и богаче во сто крат! И это есть мотив прекрасный не только непременно стих сложить, но наложить слова на музыку – воспеть чтоб матушку-природу, щедро одарившую собой сегодня нас. То-то ж будет песня!

ОСЕНЬ МНЕ ФИЛЬМ ПОКАЗАЛА

Мои надежды на солнечный рассвет не оправдались; и даже морозом утро, в отличие от вчерашнего, не могло похвастаться. Минус 4 градуса при сером небе – никакого восторга любите-

лю фотоохоты, тем более что всё настойчивее овладевают природой серые краски, мрачные порой.

Синоптики обещали туманное утро, но, как часто бывает, они и на этот раз ошиблись. Оставалось

вспоминать удачные прогулки на островок и таким образом коротать время до завтрака.

Вечером мы договорились с женой об отдыхе, и прогулка по островку виделась мне лучшим подарком после трудовых будней.

То и дело выбегаю я на улицу и с надеждой смотрю на небо над соседским домом через дорогу, откуда обычно появляется солнце. Но ничего, кроме узкой белой полосы между грязновато бледными тучами, не вижу, и это омрачает. Тучи словно накрепко склеены, это мешает солнцу открыто пуститься в дневное путешествие.

Проходит час, за ним другой, и вдруг – о, чудо! – солнце вырывается из плена! Утро вмиг преображается, расцветает ярко, будто улыбается. Радуетя резкой перемене улицы.

По ней я мчусь на островок, но потом останавливаюсь в задумчивости. В какую сторону бежать? Туда, где уже был в сентябре и октябре и всё мне там знакомо, либо в другую сторону? Я второе выбираю.

С берега старика выглядит притихшей, но первое впечатление оказывается обманчивым. Едва спускаюсь к воде и успеваю прижаться к старому высокому тополю для скрытого наблюдения, как буквально в двух шагах от меня выныривает и плывёт вдоль берега ондатра. В чистой воде вижу, как она перебирает ножками. Не знаю, чего она ищет, но постоянно крутит головой, меняет направление, иногда кружит на месте и затем возобновляет торопливое движение. Так проходят минуты две, может, больше, пока ондатра не причаливает к торчавшему из-под воды корню дерева. Под ним и скры-

вается; а я так и не раскрываю фотоаппарат.

Едва гаснут поднятые зверьком мелкие волны, как словно с разбегу брызжет на реку из-за деревьев солнце. От этого воду будто накрывают ярко-голубой плёнкой с отражением противоположного берега на ней. Удивительно, до чего же мгновенно природа схватывает и копирует на зеркале старицы мельчайшие детали! Через видоискатель фотоаппарата я рассматриваю их в значительном увеличении, и от восторга сердце готово выскочить из груди. Непередаваемое ощущение чарующей красоты проснувшегося октябрьского утра, ещё не уставшего от забот и не испорченного непогодой!

При полном безветрии срываются и летят на берег и речку листья. Некоторые тут же принимаются плавать, сначала будто неуверенно, а, попав на течение, становятся суетливыми. Узкие бледные жёлто-коричневые листья ветлы, изрезанные лопастные листья клёна и широкие блестящие на солнце листья тополя на голубом зеркале воды при глубоком молчании островка – картина маслом, да и только!

На ближайшие полчаса я забываю обо всём, выпадаю из реальности! Слово никогда ранее не видевший подобной осенней утренней картинке, восторженно люблюсь листьями, азартно фотографирую почти все подряд, боясь пропустить нечто самое красивое. Детские кораблики, игрушечные плоты, плоскодонки – чего только нет в двух шагах и в метре от меня!

Красиво отражаясь, напоминают синхронное плавание наполовину изогнутые листья ветлы. А то вдруг свадебными кажутся сцепленные яркие полукольца.

Полуприропленные тяжёлые листья тополя горделиво несут на своих тельцах чудесно перемигивающиеся солнечные блики.

Силуэты тополей на воде напоминают красивый занавес на осенней сцене, где каждый штрих ничуть не лишний, а важное необходимое дополнение к портрету осени, уже начавшей увядание и напоследок задумавшей продемонстрировать мне, единственному здесь зрителю, только что ею смонтированный сказочный фильм.

Осень – автор сценария, продюсер, режиссёр и главный герой,

а я – важный зритель, приглашённый на просмотр для того, чтобы поведать оставшимся дома друзьям о богатой её фантазии и умении воплощать её в жизнь...

...Примерно через час фильм неожиданно обрывается, свет гаснет, а осень извиняется передо мной за непредвиденный технический сбой. Небо резко прячется за тучами, закрывает ими солнце. На островок сердито врывается ветер, шумит вершинами деревьев, гонит по старице мелкую рябь и сворачивает плёнку с красивым рисунком на голубом.

СЮРПРИЗ ОТ ОСЕНИ

Вчера не в первый раз меня спросили, зачем два дня подряд бегал я на островок и в чём кроется, мол, его притягательная сила. Но оказался я необычайно ловок, враз выудил из своих же заготовок по существу ответ.

«Во-первых, – я сказал, – на прогулки не ленив я, нет! А, во-вторых, замечу вкратце: это же не просто, братцы, островок с обилием травы! Коль думаете так, – я смело продолжал, – вы не правы! Кто долго по утрам не спит, тот заметит быстро: островок, в любое время года своею жизнью кипит (вот прямо так – жизнью – сказал почти для рифмы). Такова его природа, и ему совсем не важно, какая вокруг него погода: лето и тепло или студёная зима полгода. И тем более, на нём – хотя бы тёмной ночью или светлым днём».

Как уже до этого бывало, взаимопонимания среди друзей по поводу походов я не нашёл и с тем привычно вскорости от них ушёл. Их я, насколько понимаю, в недоумении опять оставил. Для себя же мало строчный план составил:

попасть на старицу-реку и на берегу (с него не скоро, знаю, убегу) надеясь отыскать после ночи изменения на зеркально водной глади.

Фотоаппарат любезно свой погладив, вскоре я попал на островок, минуя шаткий мостик – охотно он спиной подставился. (Шутя, замечу в скобках: вместе с ним и я состарился).

А чуть далее ждала меня речка моя, едва ли не волшебной силы старица.

Щедро листьями цветными усыпан недлинный от мостика путь. И я, чтоб ненароком уток диких не спугнуть и не нарушив мелодию осенней тишины ничуть, по тропе ступаю осторожно. Конечно, быстрее было можно напролом, как некогда ломился книжный сказочный медведь, да вот ведь интереса никакого нет испортить картинку едва проснувшегося леса.

Не ночевали утки до моего прихода тут; хотя, возможно, на рассвете успел охотник их, увы, спугнуть.

А речка-то! А речка!

Увидевши её сейчас, непременно поняли б друзья: конечно, зря со мною не пошли. Как и я, они тоже бы нашли прекрасной старицу, которой, как и вчера, всё сейчас к лицу. Тополя бросали тень на холодную, но светлую водицу; без ветра её поверхность рябью не дрожала. На себе она охотно отражала и тень, и тополя, и листья, что к берегу прибились, видно, с ночи. Всё примечали мои очи, а душа шептала, мол, надобно сюрприз найти и ради этого следует пройти туда, где заводь за кустами. О том же старица сказала человеческими будто бы устами.

Отмерив несколько шагов привычно, я, как обычно, пришёл в указанное место. Здесь не было среди деревьев тесно. Над вершинами высоких тополей виднелись голубизною расцветающее небо и

хвалившиеся белизною без движения задумчивые облака. А поблизости пока не слышно песен местных птиц. Тотчас направив взгляд свой вниз, не без восторга заметил на воде мне старицей подаренный сюрприз!

Согнутые две тонкие мокрые бурые ветки тополя с множеством почечных колец и листовых рубцов смотрелись в игривых солнечных лучах колье роскошным – не иначе! Доселе не находил я ничего богаче работы мастера природных ювелирных дел (на его поделки с любопытством всякий раз глядел, и было с восторгом посмотреть на что!)

Увидев дома фотографию на мониторе, оценила Нинушка-жена природную поделку быстро.

– Да это же, – воскликнула, – монисто!